

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Комитет
гражданских
инициатив

Бизнес и Мысль

Фонд «Либеральная Миссия»

Серия
«Свобода и право»

Основана в 2012 г.

Алексей Давыдов

НЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В РОССИИ

СТАНДАРТЫ СПРАВЕДЛИВОГО ПРАВОСУДИЯ
Международные и национальные практики
Под ред. Т. Г. Морщаковой

ВЕРХОВЕНСТВО И ПРАВО КАК ФАКТОР ЭКОНОМИКИ
(Международная коллективная монография)
Под ред. А. Г. Федотова, Е. В. Новиковой,
А.Р. Розенцвайга, М. А. Субботина

Виктор Шейнис

ВЛАСТЬ И ЗАКОН

Политика и конституции в России в XX—XXI веках

Владимир Малахов

ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ

Концепции и практики

Александр Оболонский

ЭТИКА ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ

И РЕАЛИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Леонид Никитинский

АПОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

(в завтрашний номер: о правде и лжи)

Эмиль Паин, Сергей Федюнин

НАЦИЯ И ДЕМОКРАТИЯ

Перспективы управления культурным разнообразием

Леонид НИКИТИНСКИЙ

АПОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

(в завтрашний номер: о правде и лжи)

•МЫСЛЬ•
Москва

УДК 070
ББК 76.0
Н62

Комитет гражданских инициатив

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Бизнес и Мысль

Книга издана при поддержке
«Фонда Кудрина по поддержке гражданских инициатив»

Никитинский, Л.В.

Н62 Апология журналистики (в завтрашний номер: о правде и лжи) / Леонид Никитинский. — Москва : Мысль, 2017. — 239 с.

ISBN 978-5-244-01196-8

Леонид Никитинский — известный российский журналист, лауреат премии «Золотое перо России» и других престижных профессиональных премий — защищает свою профессию от той настроенности, а порой и резкого неприятия, которые характерны сегодня для общественного мнения, и не только в России. Споря как с практиками и чиновниками, так и с современными исследователями этой сферы, автор разграничивает журналистику и медиа («СМИ»), показывая, что большую часть их «контента» образует не журналистика, а пропаганда и развлечения, которые суть на самом деле ее антагонисты.

Современная медиасфера, рассматриваемая автором как сфера обращения смыслов, или ноосфера, характеризуется разнонаправленными тенденциями. Шире используются и манипулятивные возможности пропаганды, а желтый контент подавляет журналистику благодаря распространенному взгляду на медиа исключительно как на бизнес. Но наряду с этим повышается и ценность настоящей и точной журналистики, которую автор определяет в конечном счете как борьбу против ухода от действительности в сферу развлечений и одновременно против симулякров пропаганды.

Приводя многочисленные примеры как из собственного опыта, так и из практики коллег, а также используя понятийный аппарат современной философии (Маклюэн, Фуко, Арндт, Бодрийяр и др.), автор рассматривает отношения журналистики как коммуникативный разум (Юрген Хабермас) — процесс достижения обществом согласия по наиболее значимым для него вопросам, а саму журналистику — как его необходимый и важнейший инструмент. С этой точки зрения самую большую озабоченность автора вызывают замкнутые смысловые контуры (страна «Фейсбук» и страна «ВКонтакте»), и он ищет пути возобновления коммуникации между ними. Автор заканчивает книгу размышлениями об ответственности журналиста, чью роль в истории он определяет как роль первоисторика.

Рукопись книги уже вызвала интерес не только журналистов, но и социологов и политологов, описывающих современное российское общество со своих позиций. Книга, безусловно, будет полезна для молодых сотрудников медиа и студентов соответствующих вузов как детальное исследование и утверждение журналистской профессии.

УДК 070
ББК 76.0

ISBN 978-5-244-01196-8

© Комитет гражданских инициатив, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	11
ТЕТРАДЬ I. Журнализм	15
Глава 1 (вводная). Больше чем журналистика	15
Глава 2. Гиперреальность и журнализм	24
Глава 3. Феномен честности и «героический тип»	31
Глава 4. «Власть» и легитимность журналиста	42
Глава 5. Авторское «я» и проблема ангажированности	54
ТЕТРАДЬ II. Отношения журналистики	61
Глава 6. Импульс высказывания, журналистское высказывание	61
Глава 7. Жизнь высказываний: коммуникация и дискурс	71
Глава 8. Высказывание в роли события	78
Глава 9. Суждение и публицистика. Точка «ноль»	84
ТЕТРАДЬ III. Карты журналистики (дискурсивные практики)	93
Глава 10. По ту сторону журналистики: информационная война	93
Глава 11. Замкнутые дискурсивные контуры	104
Глава 12. Коммуникативный разум	114
Глава 13. Закон убывания смысла высказываний	126
Глава 14. «Произведение». Очерк и расследование (журналистика конфликта)	135
ТЕТРАДЬ IV. КАРТЫ МЕДИА И «КОНТЕНТ»	145
Глава 15. Образование медиа: топос	145
Глава 16. Карты журналистики. Экспансия желтых ...	153
Глава 17. «Двойная сплошная»	168
Глава 18. Унавоживание «контента»	178

Глава 19. Матрица «СМИ» и возникновение видов ...	188
Глава 20. Коллегия и «коллеги»	202
ТЕТРАДЬ V (неоконченная).	
Историческая роль и ответственность журналиста ..	213
Глава 21. Журналист как историк	213
ПОСЛЕСЛОВИЕ	225
СВЕТЛАНА Шайхитдинова	
Журнализм и журналистика	
Леонида Никитинского	231

СТРУКТУРА И КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ «КОНСПЕКТОВ»

Тетрадь I. Журнализм	15
Глава 1. Больше чем журналистика	15
Введение и общие понятия. Действительность: рамка подлинности и актуальности. «Сейчас» как История. Командировка: угол зрения и образ жизни. Журналистика как форма реализации свободы.	
Глава 2. Гиперреальность и журнализм	24
Пропаганда: первая древнейшая. Смысловое пространство. Симулякры и онтологический ряд. Факты, которым нельзя придать значение, отличное от их собственного. Журнализм как ядро журналистики. Критичность высказываний. «Разоблачение» и демифологизация массового сознания.	
Глава 3. Феномен честности и «героический тип»	31
Тип личности «журналист». История Саши К. из Магнитогорска. Мотивация журнализма и сложная дробь. Феномен честности: нонконформизм и «героический тип».	
Глава 4. «Власть» и легитимность журналиста	42
Порочность метафоры четвертой власти. Легитимация журналиста «через верх» и в системе выборной демократии. Право задать вопрос. Самолегитимность журналиста и паррезия Фуко. «Я» как доказательство в журналистике.	
Глава 5. Авторское «я» и проблема ангажированности	54
Собственная позиция и сознание ангажированности. Процедуры и стандарты. Парадокс правозащитника и проблема «заказухи».	
Тетрадь II. Отношения журналистики	61
Глава 6. Импульс высказывания, журналистское высказывание	61
Общее определение. Источники журналистских и родственных высказываний, «полуфабрикаты». Лавина высказываний: «пена» и «галька». Высказывания и сообщения (власти). Спонтанность как свойство высказывания.	
Глава 7. Жизнь высказываний: коммуникация и дискурс	71
Высказывание и «информация». Сцепления высказываний. «Публика» как вторая и необходимая часть журналистики.	

Отношения журналистики и ноосферы. Дискурс (проговаривание самого себя) и процесс формирования личности и нации.

Глава 8. Высказывание в роли события 78

Что такое «на самом деле»? Роль журналистики и пропаганды в генерации событий. Факт как новость и «сухой остаток». Медиасобытие. Ценностное окрашивание событий.

Глава 9. Суждение и публицистика. Точка «ноль» 84

Нравственность и опасность суждения. Ханна Аренд — журналист. «Мускулы культуры» Мераба Мамардашвили и роль медиа. Разделение чувства ответственности. Точка «ноль», суждение как бремя и «дурная публицистика».

ТЕТРАДЬ III. КАРТЫ ЖУРНАЛИСТИКИ

(ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ) 93

Глава 10. По ту сторону журналистики:

информационная война 93

Одна война — две реальности. Между «предательством родины» и изменой профессии. Нонкомбатант — продолжение принципа невмешательства. Линии фронта в ноосфере.

Глава 11. Замкнутые дискурсивные контуры 104

Обособление смысловых потоков в сетевом обществе. Фейки и мифологемы, фактчекинг. «Археология знания» (Фуко), рациональная и мифологическая дискурсивные практики. Страна «Фейсбук» и страна «ВКонтакте».

Глава 12. Коммуникативный разум 114

«Жаргон подлинности» (идеология) Теодора Адорно и коммуникативный разум Юргена Хабермаса как процесс достижения согласия. Этика и правила дискурса, попытки и пути его возобновления и примеры. Назад к «фактам».

Глава 13. Закон убывания смысла высказываний 126

«Глобальная деревня». Режим life как причина «остывания фактов». Отрыв комментариев от фактов и утрата подлинности. «Страна колумнистов», пустота суждения и значение молчания.

Глава 14. «Произведение». Очерк и расследование

(журналистика конфликта). 135

Центральный конфликт журналистики: человек и власть. Процесс создания произведения: тема, факты, детали и доказательства. Антропоцентризм журналистики. Болезнь «Большого города».

ТЕТРАДЬ IV. КАРТЫ МЕДИА И «КОНТЕНТ»	145
Глава 15. Образование медиа: топос	145
Свободное обращение высказываний и журналистика вне «СМИ». Платформы коммуникаций. Первичность журналистики по отношению к медиа. Горизонтальный характер коммуникации, миграции журналистов и отношений журналистики: возникновение и трансформации смысловых «островов» (топосов).	
Глава 16. Карты журналистики. Экспансия желтых	153
Социальное, политическое, журналистика и пропаганда. «Информация» в понимании респондентов анкет: Media & Entertainment. Инфотеймент: шум и сопутствующие товары. Журналист Чехов: «Кто-нибудь с молоточком».	
Глава 17. «Двойная сплошная»	168
Диалектика насилия и дискурса. Мартиролог медиа. Неопределенный характер запретительных мер и муравьиный разум бюрократии. «Правила игры».	
Глава 18. Унавоживание «контента»	178
Исследование контента региональных «СМИ». «Договоры об информационном обслуживании» как специфическая форма коррупции. Доклад президенту и последствия его для журналистского сообщества.	
Глава 19. Матрица «СМИ» и возникновение видов	188
Раскол общего корня на журналистику, таблоид и пропаганду. Соотношение между ними. «СМИ» как средство. Деструкция термина «СМИ». «Медиабизнес». Цена свободы слова.	
Глава 20. Коллегия и «коллеги»	202
Общественная коллегия по жалобам на прессу и стандарты профессии. Английский и российский опыт саморегулирования, основания легитимности. Состояние сообщества и борьба за звание «журналист».	
ТЕТРАДЬ V (НЕОКОНЧЕННАЯ). ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ	
И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЖУРНАЛИСТА	213
Глава 21. Журналист как историк и неполитик	213
Первоисторик. Принцип невмешательства и фактические последствия публикаций. «-Гейты». Невменение последствий по признаку не результата, но мотива (Иммануил Кант). Вес слова.	

Установить, что есть на самом деле, нам удастся, если мы построим для этого текст.

Мераб Мамардашвили

Геродот из Гиликарнасса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они воевали друг с другом.

Геродот

ОТ АВТОРА

Пока я долго писал и переписывал эту книжку, Оксфордский словарь признал словом 2016 года (частота его употребления резко выросла после выхода Великобритании из ЕС и выборов президента США) «постправду» (*the Post-truth*). Я бы даже перевел это как *послеправдие* — такое историческое состояние, в котором правда оказалась как бы уже позади, а сегодня и дальше ее нет и не будет.

А вот последняя правка, которую я вношу в эту рукопись 28 марта 2017 года, перед тем как отправить ее в издательство, но она настолько важна, что пару абзацев необходимо добавить в начале книги, а не в конце. Позавчера, в воскресенье 26 марта, тысячи детей 14–18 лет вышли на улицы многих городов России на неразрешенные митинги. Официальные телеканалы обошли это событие молчанием, но журналисты, сохранившие уважение к профессии, вчера уже успели расспросить юных протестантов, что вывело их на улицы. Их ответы, непохожие друг на друга, сходились в одном: «Мы не хотим врать».

Мы не знаем, что будет дальше, но я говорю этим детям спасибо: вся эта книжка, которую я писал и переписывал в течение последних полутора лет, об этом — *о правде и лжи*. Правда в каком-то высшем смысле, может быть, нам и неведома, и на этом поле еще можно как-то поиграть словами, но ложь — простая штука, и всем понятно, что она есть и где она есть. Рассказывайте детям, что правды на самом деле больше не существует... Они ответят, у них время еще есть.

Журналистика как раз об этом, и нет, наверное, другой профессии, которую бы это так задевало. Странный спикер российской власти в области «СМИ» Алексей Волин вслед за Рупертом Мердоком не устает повторять, что журналистика как профессия умерла, а мы просто обслуживающий персонал медиаиндустрии. Это утверждение в действительности синоним Post-truth. Если правда осталась в прошлом, то там же вместе с нею сгнула и журналистика. Но это «если», и это можно обсуждать.

В этой книжке я попытаюсь доказать обратный тезис: *где нет журналистики, там не может быть и правды*. Без журналистики общество лишается главного инструмента, при помощи которого правду о себе самом (об обществе) для начала вообще можно вытащить из хаоса налезających друг на друга эмпирических (исторических) событий.

Мой взгляд не совпадает с основным трендом: исследователи сферы медиа озабочены сегодня прежде всего возможностью манипулировать с помощью «СМИ» общественным сознанием. Этому, в частности, посвящена наиболее фундаментальная из последних вышедших на русском языке книг — «Власть коммуникации» Мануэля Кастаньеса (р. 1942, Испания — США). Однако, замороженные этой угрозой (отнюдь не мнимой), большинство исследователей перестают различать внутри медиа журналистику, которую они к тому же не отличают от пропаганды. Кастаньес забывает, о чем сам же и рассказывает нам в предисловии к своему труду: в 1960 году, еще первокурсником университета, он обходил кинотеатры Барселоны, оставляя в темноте на соседних сиденьях листовки с призывами к свержению капитализма...

Еще не читав Кастаньеса, я убеждал Людмилу Алексееву — легендарную машинистку Московской Хельсинкской группы, что их деятельность по сбору сведений о политических заключенных в СССР, нелегальному изданию и распространению в самиздате «Хроники текущих событий» (первый номер она напечатала в четырех копиях в 1968 году), по сути, была журналистикой. Людмила Михайловна, подумав, сказала, что, отправляясь в тюрьму или изгнание, они никогда не рассматривали себя с этой точки зрения, но все же согласилась, ведь не тираж и не способ распространения оказываются тут определяющими признаками.

Дело в мотивах *высказываний*, и это те самые человеческие мотивы, которые создают журналистику и воспроизводят ее часто даже *вопреки медиа*. Если бы Кастаньес не был таким умным и не стал ученым, он, возможно, как и я, оказался бы журналистом и тогда понимал бы более отчетливо, что *журналистика и медиа далеко не одно и то же*.

А черновик этой книжки я заканчивал в августе 2016 года с видом на море. Утром я купался, потом весь день работал, а вечером мы с женой шли на набережную, чтобы купить на ужин чебурек — они были вкусней, чем в ресторане, не говоря уже о ценах. Там был такой киоск с жаровней, у которого всегда собиралась очередь, а внутри, весь в белом, колдовал Сурен. Чтобы не пачкать руки, он кивал покупателям на блюдце, которое берегло лежавшие под ним купюры от порывов ветра с моря, и тот, чья очередь подходила, сглатывая слюну, сам подсовывал свою сотенную, выгребая из блюдца сдачу. В каждом движении Сурена, склеивал ли он будущий чебурек или ловко выхватывал его щипцами из кипящего масла, и в том, как он вам улыбался и шутил, было нечто большее, чем просто сноровка, — *уважение к профессии*.

В том мире постмодерна, который я собираюсь описывать дальше, это, возможно, то последнее, за что мы можем уцепиться, как Рене Декарт в свое время смог уцепиться за своего Субъекта: раз я управляю своей мыслью хоть в какой-то мере, значит я есть, и все остальное, видимо, тоже не лишено какого-то смысла. А если можно уважать профессию, то в ней можно уважать себя, а там и остальных, если они тоже уважают свою. Это же так ясно, в отличие от всего прочего. О профессии и речь — только-то и всего.

ТЕТРАДЬ I. ЖУРНАЛИЗМ

ГЛАВА I (ВВОДНАЯ).

БОЛЬШЕ ЧЕМ ЖУРНАЛИСТИКА

Когда мне было лет на шестьдесят меньше, чем теперь, я думал, что стану писателем. Не знаю, откуда я это взял, наверное, мне просто нравились буквы. А когда годам к тридцати стать писателем мне так и не удалось, но рука на буквы у меня оказалась уже набита, я начал дрейфовать из юридической науки, куда меня занесло скорее по наследственности, в журналистику. Тогда я думал, что литература и журналистика почти одно и то же, ведь там и тут материал — это буквы. Мне повезло стать писателем уже в более позднем возрасте, и благодаря этому опыту я хорошо понимаю разницу между журналистикой и литературой.

Литература создает (если это еще получится) и описывает вымышленный мир, хотя делает это по тем же правилам, как если бы он был настоящий. В журналистике, напротив, выдумке места нет, она по определению описывает мир действительного, non-fiction. В этом смысле к журналистике я отношу также документальное кино, дневники и мемуары — в той мере, в какой они обладают неподдельностью старых, пожелтевших фотографий.

Как журналист, я фанат и слуга действительности, какова бы она ни была, и враг искажения и ухода от действительности, чем бы это ни мотивировалось.

Действительность (время действия) образуется на пересечении *подлинности* и *современности* (актуальности). В другой книжке, гораздо более умной, чем эта, я вычитал, что понятие *modernité* (современность — *фр.*) появилось в середине XIX века, и вроде бы его придумал поэт Шарль Бодлер. До эпохи модерна уже было прилагательное «современный» (*moderne*), но «настоящее» человек Запада

понимал как исчезающее мгновение, что правильно «физически», но не позволяет разглядеть время действия: пока вы дочитывали эту фразу, оно уже миновало, и действительность куда-то исчезла, не оставив даже возможности ее отрефлексировать.

Так можно мыслить, когда время течет медленно, но в модерне оно ускоряется, а в постмодерне его движение и вовсе перестает быть линейным. Поэтому «современность» должна быть понята как растянутое «сейчас». «Сейчас» вобрало в себя состоявшееся прошлое — как основание того, что еще только может произойти в будущем. Многое из прошлого снова оказывается актуально, но многое в настоящем — «архаика», и попытки это актуализировать порождают только фейк.

Современно то, что привязано к «сейчас», когда еще не поздно что-то сделать. В этом пространстве и работает журналист: точка в длящемся «сейчас» — главная для него, хотя в рамках высказывания она приобретает вид «вчера» или «только что».

Чем дальше текст (любое высказывание) уходит из рамки, образуемой границами подлинности и современности, тем менее он относится к журналистике, а сама она становится жиже, пока за какой-то чертой, не всегда различимой, не превращается в собственную противоположность.

Уход от действительности, или эскапизм, которому противостоит журналистика (и это ее важнейшая функция), возможен как по линии искажения фактов, так и по линии отказа от современности. Второе представляет собой сегодня самую большую угрозу для журналистики: «человек играющий» (к чему его подталкивают современные технические средства) выпадает в какое-то другое, внеисторическое, время, где настоящее перестает быть временем действия. Так же работает и феномен «внутренней эмиграции», который на самом деле тоже игра.

Журналистика же всегда старается вернуть человека в действительность, когда «нельзя спать» (так Мамардашвили цитирует Декарта), и это ее качество далеко не всегда и не всем нравится. Журналист — это не просто роль, это и бремя: бывает, что оставаться журналистом не хочется.

Программа «Анонимных Алкоголиков», например, говорит о «неумолимой честности» — необходимом условии, без которого эти несчастные не смогут бросить пить. Это странная штука — она ведь не запрещает дурные поступки и лживые высказывания, она не позволяет их только рационализировать, называя ложь как-то по-другому. Такова же и журналистика — она и собственному названию соответствует ровно настолько, насколько называет все вещи своими именами. Журналистика — это то, что вам не понравится. Это горькое лекарство, но обществу оно необходимо.

В второй половине XX и в начале XXI века появился целый ряд фундаментальных трудов, осмысляющих информационное (массовое) общество и медиа. Однако уважаемые профессора (Маршалл Маклюэн, Мануэль Кастельс и др.), точно ухватывая проблему искажения действительности в медиа, перестают различать внутри них *журналиста*. Некоторые из этих трудов я даже осилил и буду на них ссылаться. Но эта книжка отнюдь не научная, она субъективная и именно апологетическая. Мне просто захотелось самому разобраться, чем я занимался всю вторую половину своей жизни. Я стал читать книжки по философии, остался в ней дилетантом, зато понял, что все, что мне рассказывают об этом профессора, меня не устраивает. Перед этими уважаемыми учеными у меня есть только одно преимущество: я журналист и вижу проблему с этой стороны. Но как всякий (и всегда) журналист, я небеспристрастен: я предан своей профессии и буду ее защищать.

С другой стороны, это и попытка убедить себя, что все, чем я занимался последние тридцать лет, не было напрасным. Ну, несколько человек мне удалось вытащить из тюрьмы, а моими газетными заметками, наверное, можно оклеить под обои хорошую трехэтажную виллу, которой у меня нет. А что в итоге, в чем был смысл этой *командировки*?

Командировка — очень важная часть жизни журналиста, и она необязательно куда-то далеко. Можно оставаться в редакции, но и здесь рассматривать любую тему (историю) как бы глазами «иностранца», странника. Ты все время

пытаешься увидеть чужой край действительности и выпадаешь из своей собственной. Искушение вылезти из зала на сцену (как в рассказе старшего Драгунского «Сражение у чистой речки») возникает постоянно, но журналисту этого делать нельзя, это противоречит его роли наблюдателя, пусть и сочувствующего одной из сторон. Если ты разглядываешь чужую действительность день за днем, да еще пропускаешь это через процедуру сомнения, получается, что ты все время в командировке, а своего дома у тебя как бы и нет, есть только гостиница, где можно встретиться с родными и набраться сил. Журналист часто живет своей жизнью по остаточному принципу, хотя всем представителям этой по факту в основном «женской» профессии хотелось бы пожелать лучшего.

Чтобы избежать слова «миссия» (пафос журналистике абсолютно противопоказан), будем говорить, что мы в командировке. Тут главная проблема — подушки: не во всех гостиницах они удобные, но это как-то перекликается и с тем, что «нельзя спать». Мы все в командировке, хотя задание нам не всегда сформулировано отчетливо. Тогда эта книжка — отчет о командировке, который ведь тоже кому-то обязательно придется представить. Но пока он, разумеется, вчерне.

В последнее время мне часто приходится говорить о журналистике с разными людьми. Девушки видят в ней обещание легкой славы, которую дарит экран телевизора или теперь компьютера, стоит лишь там появиться, а иные и выдавшие виды мужи чаще говорят: «Ну и мерзость эта ваша журналистика!» В обоих случаях здесь просто ошибка в термине, и вовсе не о журналистике речь. Приходится всякий раз объяснять, что это такое, хотя тут и объяснять-то, казалось бы, нечего.

Из этих встреч, лекций и дискуссий и родилась эта книжка, сохранившая в себе как родовую травму некоторую распыленность, повторы и необязательность, свойственные устной речи. У меня не получается это исправить, ведь ученым, как и писателем, на постоянной основе я так и не стал. По сути, это более или менее приведенные в порядок конспекты лекций и устных выступлений, которые, впрочем, никогда

не излагались и вряд ли могут быть изложены в том порядке, в каком они теперь здесь записаны, и лишь для удобства пользования рассредоточены по главам.

Эта книжка вторая. Первую («Завтрашний номер. Философия журналистики». М., 2013) с учетом меняющейся реальности я решил было немного подправить, а в результате от нее осталось только одна фраза — вы ее уже прочли: «в завтрашний номер». В журналистике самоцитаты удаются редко. Здесь ты всегда все видишь уже другими глазами, все надо переписывать с чистого листа. Невозможно переписать только историю — ведь нельзя сделать бывшее небывшим. Попробуйте-ка переписать историю самого себя. Ну ведь вы же ее знаете!.. Тогда кто вам сказал, что можно переписать историю всех остальных? А журналист — это и есть историк, но сегодняшнего, которое уже куда-то уходит, продолжая длиться.

«Газета живет один день» — мне не удалось, к сожалению, установить авторство этого афоризма («Гугл» норовит рассказать про аналогичное насекомое), но это высказывание крайне важно. В нем есть и скромность, и самоирония, но и понимание того, что этот день точно так же принадлежит истории, как и любой другой, что современность и вечность пересекаются как раз в той точке, где появляется *новость*: факт, вписанный в какую-то историю или цепочку актуальности, — и рефлексизирующая ее журналистика.

В этом смысле журналистика всегда *больше чем журналистика* — она механизм общественной рефлексии, коммуникативный разум (подробнее об этом мы поговорим в следующих главах), она тот самый *текст* (в широком смысле слова), та самая *структура* и *дискурс* (подробнее о нем также в свое время), которые надо построить, чтобы человек и общество не утонули в энтропии и поняли сами себя, *какие они есть*.

Я отнюдь не наивен, работал во многих «СМИ», со многими и всякие-разные видел трансформации, да и сам тоже не ангел. Сегодня далеко не лучшее время для журналистики, и сейчас она существует, пожалуй, в виде ископаемого динозавра. Это дает замминистра связи и массовых коммуникаций Алексею Волину основания говорить о том, что

«журналистики как таковой в XXI веке больше не существует»: «...теперь она является составным элементом медиабизнеса» (из его выступления на конференции на журфаке МГУ «Медиапрофессии 21 века» 21 июня 2016 года).

Возможно, ему — чиновнику странной искренности — просто хотелось бы так думать. И он, и я, и студенты журфака, которым профессор Иосиф Дзялошинский много лет задает один и тот же вопрос, требуя эссе на тему «В чем обвиняют журналистику?», отлично понимаем, и в каком состоянии она сегодня находится, и что выпускникам журфака, вероятнее всего, в ближайшие годы придется заниматься не ею. Но те импульсы, которые вызывают к жизни и развивают журналистику — как *одну из многих форм реализации человеческой свободы*, — никуда не исчезали и не исчезнут. Они заложены в природе человека, а следовательно, и общества.

В записных книжках Бориса Стругацкого, которые мой сегодня главный редактор Дмитрий Муратов листал после его смерти, он нашел запись: «Будущее создаешь ты... Но не для тебя». Поэтому в виде второго заголовка я сохранил и название той первой своей, еще довольно легкомысленной, книжки «Завтрашний номер». Вчерашний номер газеты — это то, во что заворачивают селедку, его можно уже только обсуждать, чтобы понять, что мы сделали не так. Но жизнь продолжается, и журналисты продолжают писать всегда *в завтрашний номер*.

В книге я буду приводить примеры своих и чужих высказываний, и в той мере, в какой они были журналистскими, они также остаются и «политическими». Они все еще актуальны (а иначе и пересказывать их не имело бы смысла), но я против того, чтобы сама эта книжка рассматривалась как *политическое высказывание*. Политика преходяща, политики сменяют друг друга, да и сами государства тоже появляются, перерождаются и исчезают. А мы будем говорить о журналистике как о современной форме такого более общего явления, которое было, есть и будет в любом обществе. Оно обладает собственной преемственностью, горизонт которой длиннее, чем зигзаги развития исторических стран.

Но и в актуальности тоже есть своя перспектива, как в пространстве: что-то в данный момент выходит на первый план, а что-то, ослабевая в актуальности, вытесняется на периферию (в газете — с первой полосы на внутренние). После событий 2014 года на Украине и появления «Панамского архива» и мир, и описывающая его журналистика не могут оставаться прежними — меняются и темы, и способы работы над ними.

Главная проблема сегодня состоит в том, что мы не слышим друг друга, чему, как ни странно, очень поспособствовал интернет (о проблеме замкнутых смысловых контуров мы поговорим специально в главе II). В действительности мы и не спорим, потому что, чтобы спорить, надо сначала услышать. Этим грешат отнюдь не только те, кто думает не так, как мы сами, но и мы сами тоже.

Наверное, мне будут предъявлять претензии, что книжка «написана исключительно с либеральных позиций». Но штука в том, что журналистика *либеральна как таковая*, и никакой другой она быть просто не может. Она порождение либерального (западного) общества и по определению несет на себе печать либеральных традиций, а свобода слова, лежащая в основе журнализма, неотделима от свободы как таковой.

Но есть «свобода от» и «свобода для», свобода отвернуться, бежать, но и свобода остаться. «Свобода от» превращается таким образом в «бегство от свободы» (Эрих Фромм), а «свободой для» в крайнем пределе воспользовался Януш Корчак, шагнув в газовую камеру вместе с детьми. Действительность часто бывает не просто отвратительна, но и страшна, и никто не вправе ни от кого требовать подвига как акта свободной воли. Но и свобода остаться, чтобы попытаться что-то изменить, тоже всегда есть, однако, чтобы ее реализовать, нужно стоять двумя ногами в действительности.

Отец Георгий Чистяков (1953–2007), с которым мне повезло быть знакомым, священник, историк и знаток древних и новых языков, иллюстрируя разницу между каноническими Евангелиями и апокрифами в книжке «Над строками Нового Завета», замечает, что все апокрифы содержат

в себе элементы «пропаганды» (я ставлю кавычки, поскольку он употребляет для этого другие термины): в пользу евреев против Рима или наоборот. В этом смысле можно сказать (жаль, что я не успел обсудить это с о. Георгием), что во всяком случае Матфей, присутствовавший при описываемых им событиях, это древний журналист, старавшийся записать все так, как он это видел и понял (придавая значение, может быть, не всегда тому, чему его придавал бы современный человек). Похоже, что первые синоптические Евангелия, написанные не сразу после смерти (и воскресения — для тех кто в это верит) Иисуса, как раз и были продиктованы желанием защитить Его имя и задокументировать подлинную историю в ответ на начавшиеся спекуляции.

«Вначале было Слово», — напишет чуть позже Иоанн. Но и потом будет много-много-много слов. Только в отношении первого сомнений быть не может, но все, что будет сказано позже, сомнительно. Истину от лжи очень трудно отличить, замечает Мераб Мамардашвили, так как «слова, которыми они описываются, всегда одни и те же». Слова необратимо страдают каким-то изъяном, особенно заметным в том свете истины, за который мы к тому же часто принимаем искусственное освещение.

Примеры, которые я буду приводить в книжке — хотя бы в силу того, что журналист привык работать с фактическим (эмпирическим) материалом, — будут случайны в том смысле, в каком случайна всякая эмпирика: где-то я был, где-то не был, кого-то знаю близко, кого-то шапочно, что-то прочел, а что-то прошло мимо меня. Я надеюсь, что не случайными окажутся мысли, поскольку у их уже долго думаю.

Вот что пишет новомодный (при этом глубокий и остроумный) современный философ Славой Жижек (вообще-то, я понимаю там, дай бог, четверть прочитанного, но эта мысль мне ясна): «Главная функция Хозяина состоит в том, чтобы определить ложь, способную поддерживать групповое единство: удивить субъектов утверждением, которое в явном виде противоречит фактам... Недостаточно утверждать “Это моя страна, права она или нет!”: моя страна — по-настоящему

моя, лишь покуда она, в определенном отношении, *неправа*... Общая для всех ложь — связь несравненно более действенная, чем правда».

Очень верно, но стоит ли дорожить такой «скрепой»? Это вопрос.

В том романе про присяжных, который мне все же удался десять лет назад, сама собой нашлась удачная формула, она скорее художественная, но я ее здесь воспроизведу: не так, что мы хотим знать правду (чаще всего мы этого вовсе не хотим), а *правда хочет быть узнанной*. Не она является нашим инструментом, а наоборот: мы — ее.

Забегая вперед (эта тема будет раскрыта ближе к концу книги), мы можем определить род своей деятельности как *борьбу за правду, которая как таковая никому не нужна*. Она всегда оказывается нужной кому-то для чего-то, но как только появляется это «для чего?», оно сразу же отнимает у нее это качество правды. Этот вывод был бы очень горек, если бы не одно но: правда все-таки существует — а без нее и журналистика не могла бы существовать, и я бы не смог вам здесь о ней сообщить вообще ничего.

ГЛАВА 2. ГИПЕРРЕАЛЬНОСТЬ И ЖУРНАЛИЗМ

Николай Бердяев, размышляя о причинах и следствиях русской революции, постоянно, почти маниакально твердит о *подмене*, употребляя также разные эквиваленты этого смысла. Антагонизм подлинности и подделки приобретает у него накал борьбы Добра со Злом. Я не поклонник Бердяева, но его мысль о связи «подмены» и катастрофы кажется мне очень точной и актуальной: тут дело в *онтологии*, а шутки с ней кончаются плохо.

Власть традиционно обвиняет журналистов в том, что они-де «раскачивают лодку» и «расшатывают устои». В «расшатывании», разумеется, есть доля риска: движение истории всегда с ним сопряжено, но если мы что-то и «расшатываем», то лишь пропагандистский миф, сравнивая его с действительностью. Журналистика не позволяет мифу отклоняться слишком далеко от действительности, что как раз и грозит обрушением всей конструкции.

С расхожим определением журналистики как второй древнейшей профессии можно даже и согласиться, если первая — это пропаганда. Журналистика реагирует на *симулякр* пропаганды, бросаясь разоблачать его, и это ее безусловный рефлекс. Но и пропаганда, со своей стороны, тоже хочет выглядеть благопристойно, рядится в тогу журналистики, для чего ей надо оперировать фактами. Фактов у нее всегда нехватка, пропаганда производит фейк, журналистика бросается его разоблачать, и, таким образом, вопрос об их первенстве приобретает вид аporии о курице и яйце.

Сложность в том, что все это сосуществует в одном смысловом пространстве. Именно смысловом, а не информационном, поскольку ценностные ориентации играют здесь куда более важную роль, чем факты, и начинают переопределять потоки информации. К тому же в том же смысловом пространстве существуют еще и массовые развлечения и желтая пресса, что с точки зрения пропаганды рассматривается как сопутствующие товары, а с точки зрения журналистики — как шум.

Однако, работая в газете, ты начинаешь понимать, что не ты формируешь *повестку*, а она форматирует тебя. Ведь когда взорван дом или сбит самолет, в газете не может быть написано о чем-то другом, во всяком случае на первой полосе. На войну журналисты и пропагандисты едут в одном вагоне, а их различия вступают в силу по прибытии. Можно, конечно, попытаться манипулировать повесткой, но смешно думать, что она не отомстит.

Но вопрос можно поставить и шире: изменяем ли мы реальность, описывая ее, или это она через свое описание изменяет (пересоздает) нас? Это процесс взаимный.

Жан Бодрийяр (1929–2007, Франция), философ, которому мы обязаны понятием «симулякр», определяет его как такой объект, которому «ничто не соответствует в онтологическом ряду бытия». Бог (для постмодернизма характерней агностицизм, я тоже не собираюсь заниматься религиозной пропагандой, но так рассуждать удобней) создал мир, в котором установились такие-то законы, а затем и человека, наделив его «по образу и подобию своему» творческими способностями. Человек начал сочинять всякие сказки, потом (скорее до) мифы, восполняющие онтологическую реальность там, где в ней были (и всегда останутся) непонятные и пугающие лакуны.

Так образуется вторичная, созданная вне онтологии «виртуальная реальность». Однако *симулякр* не просто сказка без претензии означать нечто конкретное в мире сущего (как художественный фильм или компьютерная стрелялка), нет, это именно реальность — хотя бы уже в силу своей способности становиться причиной и генерировать последствия, в том числе в онтологическом ряду.

«Молот ведьм» — трактат иезуитов по демонологии, изданный в 1487 году, всего лишь спорил с теми, кто не верил в колдовство. Последствием его стало сожжение в Западной Европе тысяч женщин. Что-то подобное происходит сегодня в России с НКО по закону об «иностранных агентах» — их, правда, не жгут, но нельзя сказать, чтобы они не испытывали на себе последствий закона-симулякра и измененного им массового сознания.

Действуя, люди исходят из той картины мира, которую образует их миф: это и есть та реальность, которая их мотивирует. Человеку свойственно цепляться за мифы, в которых он незаметно для себя придает действительному еще и оттенок желаемого, и в случаях, когда мифы сталкиваются с рифами в онтологическом ряду, жертвовать реальностью. Рано или поздно мифы терпят крушение, и это процесс нормальный, но болезненный. Победу мифа, напротив, мы часто празднуем как свою собственную, ликуем и бросаем чепчики в воздух, однако миф всегда выигрывает только на время, и его победа всегда Пиррова. А свое поражение он терпит от журналистики.

Для объяснения картины мира в постмодерне Бодрийяр вводит понятия «гипертекст» и «гиперреальность». Гипертекст, внутри которого оказывается человек «информационного общества», состоит из массы явлений двух рядов: онтологического и виртуального. Суть же постмодернизма образует постулат, согласно которому эти две реальности становятся уже неразличимы: исчезают сами категории правды и лжи — как следствие, теряют смысл и противопоставления добра и зла, прекрасного и безобразного и т.д. Жан Франсуа Лиотар (1924–1998, Франция) также утвердил мысль, что постмодерн характеризуется кризисом «великих рассказов», или метанарративов, остаются лишь «короткие рассказы», которые сами скорее симулякры — они произвольны и ни на что не опираются.

Теперь мы рассмотрим два коротких (но актуальных) эпизода, за которыми надо будет увидеть еще и более длинный «нарратив».

12 мая 2016 года начальник автобронетанкового управления Министерства обороны РФ генерал А. Шевченко оторвал ручку двери у автомобиля «УАЗ-Патриот», после того как ее не смог открыть президент, которому в Сочи демонстрировали эту технику. Видео инцидента попало в сеть: стоит посмотреть на выражение лиц, снятых через стекла чудо-машины. В ручке ли было дело, или генерал, объяснивший явление своей физической силой, сам увидел такой «Патриот» впервые, но это так или иначе, не правда ли, говорит нам что-то о «боеготовности».

Чуть раньше я натолкнулся на пример в новостях науки: российские КБ сумели-таки в порядке импортозамещения после введения санкций создать полностью российский спутник. Но по использованным отечественным запчастям он оказался тяжеловат, чтобы ракета смогла вывести его на нужную орбиту. Сообщение об этом в «СМИ» было бы само по себе нейтральным, если бы не образовало уже некоторую историю как цепочку актуальности — не про спутник (и не про ручку «Патриота»), а про вице-премьера Дмитрия Рогозина, обещавшего нам двумя годами раньше экспедицию на Марс. Тот «нарратив» был еще короткий, а со спутником он оказался длиннее. Слишком тяжелый спутник в буквальном смысле слова возвращает на землю: законы физики — это онтология.

Здесь действительно рушится «великий рассказ» о Белке-Стрелке, Юрии Гагарине и космосе. Но совсем не журналисты виноваты в этом: их «короткие рассказы» отнюдь не произвольны. В качестве же компенсации мы начинаем понимать, что угол зрения постмодернизма, хотя он и рассматривает онтологическую реальность как «одну из», все же не может отменить ее вовсе.

Информация о спутнике появилась на научных сайтах, но по федеральным каналам телевидения об этом не рассказали. Сообщение о неудаче оказывается журналистикой, а умолчание о ней — пропагандой, дезертирующей от тяжелой необходимости развенчать миф. Пропаганда конструирует виртуальную реальность, оставляя журналистике работу в онтологическом ряду — она хуже оплачивается и не будет встречена аплодисментами власти и большинства.

Бодрийяр, описывая картину мира постмодерна (конечно, с переклестом и, наверное, сознательно провокативно), уделяет много внимания роли медиа в создании симулякров и их, в свою очередь, превращению в симулякр из-за утраты собственных оснований. В отношениях с массовыми аудиториями медиа и массы начинают просто отражать друг друга, как зеркала, не прибавляя к этому никаких новых смыслов. Для описания этих апокалиптических процессов Бодрийяр вводит специальные понятия: имплозия (взрыв внутрь,

схлопывание) и апотропия, которое имеет у него значение, пожалуй, взаимного бесстрастного отталкивания, отторжения. Однако *апотропия* заметна скорее в рекламе и пропаганде (что, на мой взгляд, в конечном счете одно и то же), а журналистика, в сторону которой Бодрийяр, собственно, и не смотрит, наоборот, пытается бороться с «холодным отталкиванием» и его «разогреть». Хватит ли у нее сил в рамках данного цикла или конец света действительно уже наступил — это другой вопрос.

Определяющей чертой журналистики, которая сама принадлежит (как свойство человечества) к онтологическому ряду и ради которой мы затеваем этот сложный разговор, является поиск (не всегда успешный — на то он и поиск) опоры на факты онтологического ряда: рождение, смерть, цены в магазинах, безработица, экономика в более широком и точном смысле слова, то есть отсылка к таким *очевидностям, которым нельзя (или трудно) придавать значение, отличное от их собственного*. Спутник (ручка) (от)летает: да — нет.

На одном из круглых столов конференции факультета журналистики МГУ в феврале 2016 года был предложен (но не был развит) взгляд на журналистику как *тестирование реальности* — этот термин Зигмунд Фрейд использовал, описывая способность различать психические образы и внешние объекты. Это весьма близко к предлагаемому здесь взгляду на журналистику как на инструмент возвращения к онтологической реальности.

Не стоит только обвинять нас в том, что мы радуемся неудачам собственной страны. Конечно, мы ерничаем немного, ну а что нам еще остается делать? Это, в конце концов, тоже часть журналистской профессии.

Журналистика очевидно завязывается там, где ее формы (тексты, иллюстрации, жесты) наполняются специфическим содержанием, по своей сути *негативным*: оно опровергает ложные послылы сильного мира сего, которые могут высказываться прямо или, наоборот, состоять в умолчании. Если бы власть всегда была правдива, у журналистики не было бы предмета, достаточно было бы просто хроники. Эти суть

и стержень журналистики (от которых она может порой отклоняться довольно далеко) мы и обозначим как *журнализм*.

Опираясь на опыт журнализма, мы интерпретируем постулаты постмодернизма с важной поправкой: *слои реальности не являются принципиально неразличимыми*. Они, может быть, плохо различимы, различимы не для каждого и только с помощью специальной оптики — ею как раз и оказывается журналистика. Она как очки для людей с близорукостью, хотя многих вещей мы предпочли бы и не видеть. Продолжая сравнение, пропаганда (антипод журналистики) предлагает массовому человеку розовые очки — такие, сквозь которые он увидит «реальность», совпадающую с его мифологией и потому не вызывающую у него отторжения.

Есть еще хорошее слово — *разоблачение*, надо только убрать тот налет, почти сатирический, который оно приобрело еще в советской прессе. Кто-то рядится в какую-то тогу, а журналист его разоблачает с той же неотвратимостью инстинкта, с каким охотничья собака бросается за зайцем.

Утверждение, что массовый человек живет в гиперреальности и главную роль в ее создании играют массмедиа, представляется важным для понимания принципиально новой *новой нормальности*, в которой мы все оказались. Для этой эпохи характерно также смещение исторических причин (как мотивов) в виртуальную сферу. Вряд ли случайно, что инициаторы и действующие лица «русской весны», такие как Игорь Стрелков (псевдоним, «подмена»), оказались еще и писателями-фантастами: они сначала придумали войну с Украиной (она описывалась в романе, вышедшем за несколько лет до ее начала), а потом призвали на нее живых людей. Но часть этих людей возвращается как «груз-200» — это обратные последствия симулякра, но это и факты, которым трудно придать значение, отличное от их собственного.

Смерть российского солдата в Донбассе можно пытаться героизировать, но это сложно делать, особенно не признавая его присутствия там. Цель журналистики не спасти солдата, а привести реальность к такому виду, чтобы больше людей посмотрели на нее трезво и прямо, без «подмены». Роль журналистики в обществе, пусть даже большинство авторов этого

и не осознает, — *демифологизация массового сознания*. А спасение солдата и самого общества — это уж их собственное дело, но для этого они должны сначала протрезветь.

Смещение исторических причин (как мотивов) в виртуальную сферу превращает в пропаганду войну, парламентаризм, суд и много другое. Словно царь Мидас (согласно мифу в старом добром смысле слова), «СМИ» превращают в «золото» все, чего бы они ни коснулись, но это «золото» оказывается несъедобно. Журналистика, которая совсем не то же, что «СМИ», старается запустить обратный процесс.

В борьбе «партии телевизора с партией холодильника» (аллегория из «Новой газеты») шансы «холодильников» повышаются в кризис: телевизионная реальность виртуальна, а «холодильная» возвращает нас к онтологическому ряду. Вообще, человечество начало уставать от постмодерна, самые продвинутые хотят вернуться к онтологии: все большую популярность приобретает жанр non-fiction.

ГЛАВА 3. ФЕНОМЕН ЧЕСТНОСТИ И «ГЕРОИЧЕСКИЙ ТИП»

Журналист — это не только социальная роль, но и тип личности. Предостережение о «фундаментальной ошибке атрибуции» напоминает нам, что поступки (а поступком является и всякое *высказывание*) чаще определяются социальной ролью, чем свойствами личности, и место работы больше повлияет на то, окажется ли конкретный персонаж журналистом или пропагандистом (пиарщиком). Но и тип личности сильно влияет на попадание того или иного персонажа на ту или иную роль или отказ от нее.

Чтобы пояснить эту гипотезу, я расскажу историю про Сашу К. из Магнитогорска. Одновременно это будет и иллюстрацией *метода журналистики*, который всегда состоит в рассказывании историй (в английской традиции то, что у нас именуется «статьей», даже если речь идет о колонке или аналитике, называется *story* — «история»). Утверждение, что материей журналистики являются новости (факты) верно, но еще не закончено: любой факт актуализуется в виде продолжения какой-то уже известной публике истории, иначе — вне контекста — он представлял бы собой ноль бит информации.

История Саши К. довольно старая, подробно я описал ее в «Новой газете» еще в 2012 году («Полюса Магнитки» в № 31 от 21 марта). Я много раз пересказывал ее на лекциях и в дискуссиях, но лучшего иллюстративного материала в моей практике нет, а придуманная или измененная авторским вымыслом история утратила бы качество журналистики (хотя могла бы стать, в случае удачи, литературой).

Мартин Хайдеггер (1889–1976, Германия), конструируя свое знаменитое и труднопереводимое *Dasein* («вот-бытие») как «жизнь», погруженную в «мир», отмечает, что мир обладает свойством *фактичности* — это означает, что он сопротивляется описанию себя в понятиях: всегда есть «еще что-то», что ими не ухватывается, что можно только описать, но не объяснить. В этом смысле текст проигрывает фотографии, которая иногда способна лучше ухватить ускользающее «еще

что-то». Текст журналистской заметки для этого опирается на детали, описываемые скорее литературными приемами, что, однако, не превращает его в литературу. Всякая история должна содержать детали — как концептуальные, так и чисто случайные, важность которых состоит в том, что они делают ее похожей на правду: «Если нечто выглядит, как утка, плавает, как утка, и крикает, как утка, то это, скорее всего, утка и есть» (дак-тест, англо-американская народная мудрость).

Итак, Саша К. оканчивал в Магнитогорске технический вуз, но однажды услышал в маршрутке объявление о вакансии диск-жокея на музыкальной радиостанции. Он пришел на конкурс и на вопрос, какие диск-жокеи ему нравятся, честно ответил, что не знает ни одного, — за правдивость и был отобран. Так Саша К. попал в сферу медиа: музыкальная радиостанция — это тоже то, что называется «СМИ», хотя к журналистике ее работа имеет довольно отдаленное отношение (про музыку говорить не будем).

Владелец радиостанции — медиабизнесмен Кирилл М. — через пару лет оказался главой пресс-службы мэра Магнитогорска, куда перетянул и Сашу К., успевшего набить руку на «новостях» (натасканных из интернета). Здесь в его обязанности в числе прочего входил контроль за городским телеканалом. Однажды Кирилл попросил Сашу отсмотреть сюжет о школьных столовых, который должен был выйти в вечерних новостях. Сюжет касался недовложения мяса в школьные обеды, а фирма, обслуживавшая столовые, была как-то связана с администрацией города. Саша понимал, что ему надлежало сделать: он уже снял трубку, чтобы позвонить в редакцию, и сюжет о котлетах никогда не вышел бы в эфир. Но, как объяснил мне сам Саша, пересказывая этот эпизод своей биографии, «какая-то сила меня удержала».

Сюжет вышел, Кирилл М. уволил Сашу К., хотя они остались друзьями. Саша перешел на работу в городскую газету, где скоро стал популярным обозревателем — главным редактором там был журналист старой формации, поощрявший очерки «о людях». Но Саше там стало «неприкольно» — его тяготили архаичный формат и невозможность высказывать-

ся на злободневные темы. С потерей в заработке он ушел корреспондентом сайта «В.-инфо», тогда очень популярного в Магнитогорске.

Профессиональный журналист Павел В., владелец сайта, успел поработать во всех газетах города (в том числе в местных выпусках федеральных газет по франшизе), а его сайт стал популярен после полутора месяцев бездействия вследствие DDOS-атаки, организаторы которой так и не были установлены. Однако атака, следствием которой стала лавинообразная популярность «В.-инфо», началась после сообщения на нем о самоубийствах рабочих градообразующего металлургического комбината вследствие финансового кризиса 2009 года и задержек заработной платы.

Как признался мне сам Павел В., он не был уверен, когда написал об этом в блоге, что эти смерти действительно связаны с кризисом и в их числе в самом деле были самоубийства, а не несчастные случаи. Но как бы то ни было, когда DDOS-атака кончилась, его блог превратился в полноценный городской сайт, куда сразу пришло несколько тысяч уникальных посетителей. Узнав об этом, администрация комбината (то есть, по сути, Магнитогорска) предложила Павлу В. заключить «договор об информационном обслуживании», тем самым признав в его сайте даже на официальном уровне качество «СМИ».

Вернемся, однако, к траектории Саши К., который в отсутствие Павла В. (тот решил баллотироваться в депутаты горсовета и перестал следить за проектом) стал, по сути, главным редактором сайта. В его распоряжении была корреспондентка, которую он отправил написать про встречу мэра (кажется, уже другого) с врачами в городской больнице. Та вернулась и рассказала, что на встрече в больнице никакие производственные вопросы не обсуждались, зато мэр призывал врачей правильно голосовать на президентских выборах 2012 года. Саша К., прицепив к сообщению корреспондентки собственный комментарий о незаконности предвыборной агитации на рабочем месте, повесил заметку на сайт.

Через час заметка была снята Павлом В., которому позволил Владимир Д. — замдиректора металлургического комби-

ната, как сказали бы при советской власти, «по идеологии». Он напомнил Павлу про «договор об информационном обслуживании» — в результате тот уволил Сашу К., хотя, разумеется, они также остались друзьями.

Зато Владимир Д. в рамках своих должностных обязанностей решил как-то выжить Сашу К. из информационного поля Магнитогорска. К этому времени Саша раскрутил свой собственный сайт, который начал опережать по числу посетителей «В.-инфо» (поскольку сюда переместилась критическая повестка). В частности, Саша подробно писал о фальсификациях на парламентских выборах 2011 года в Магнитогорске, где по экзитполам «Единая Россия» набирала 37% голосов, затем официальные данные двое суток не публиковались, а потом при очевидно завышенной явке появилась цифра 63%.

К «заму по идеологии» Владимиру Д. я отправился не только с целью отразить его точку зрения, но и, каюсь, с намерением повлиять на нее. В принципе, это табу для журналиста, который не имеет права становиться участником событий, но в традиции российской журналистики смешивать ее с правозащитной деятельностью, а мне хотелось помочь Саше К. как коллеге.

Владимир Д. (в газете все участники были названы полными именами) оказался человеком умным, был готов слушать и старался удерживаться от предвзятости. Я попытался объяснить ему мотивы Саши К., а он объяснял мне, что Саша — это «рука Челябинска». Если бы в Магнитогорске обнародовали честные цифры голосов и допустили провал «Единой России», этим сразу же воспользовался бы губернатор Челябинской области, чтобы сместить мэра, избранного металлургами, и поставить свою креатуру. Последний довод против Саши К. Владимир Д. обосновал методом исключения: «Никто не сотрясает воздух просто так».

Прощаясь с Сашей К., я спросил, что он собирается делать дальше. Саша ответил, что, если ему удастся раскрутить свой новый сайт, он, наверное, тоже заключит с комбинатом «договор об информационном обслуживании». Дальнейшая судьба Саши мне неизвестна.

Перед нами модель информационного (смыслового) пространства российского города — с одной стороны, типичного, а с другой стороны, удобного тем, что в «моногороде» Магнитогорске все силовые линии прослеживаются очень отчетливо.

Прежде всего, мы видим, как сложно переплетаются здесь явления первой и второй — виртуальной — реальностей. Так, цифра 37% принадлежит к первой, а 63% — ко второй, но 37% срикошетили бы смещением мэра не за его реальные упущения и назначением челябинского варяга отнюдь не за его реальные заслуги. Поэтому статус реальности придается виртуальным 63%. (Перевод симулякра в официальный статус порождает массу последствий, о которых в силу их отдаленности мы зачастую просто не можем судить, и потеря интереса к актуальной информации только первое из них.)

Каковы здесь должная и действительная роль журналистики и «СМИ»? Прежде чем ответить на этот вопрос, надо понять, что они такое и где находятся в этой картине. Попутно мы сформулируем еще один важный тезис: *журналистика и «СМИ» далеко не одно и то же*, они могут как пересекаться, так и существовать раздельно.

Некоторые «СМИ» в этой картине не генерируют никакой журналистской повестки, пережевывая рекламный продукт играющих на том же поле пресс-служб (музыкальная радиостанция). Другие (городская газета, из которой ушел Саша) стараются держаться безопасной повестки «про людей», не рискуя задирать планку критики выше уровня, понятного их внутренней цензуре (злополучная школьная котлета нуждалась в одобрении Саши), и здесь мы наблюдаем как бы разжиженную журналистскую повестку. Сайт «В.-инфо» является как «СМИ», по крайней мере в глазах читателей, хотя он с самого начала зарабатывает клики на непроверенной и предвзятой информации, а затем и вовсе утрачивает качества «СМИ», но тайно (читателям ничего не сообщается про «договор об информационном обслуживании»).

«СМИ» и журналисты появляются и исчезают, превращаются в симулякры, мигрируют из первой реальности в виртуальную, но в отдельных случаях мы наблюдаем и обратное

движение (на «В.-инфо» появляется правдивая заметка о встрече мэра с врачами). Ясно, что о «независимых СМИ» в этом городе нет и речи, и это плохая почва для произрастания журналистики. Однако, к некоторому нашему изумлению, последняя здесь полностью не исчезает. Скорее она притаилась, выбирая объекты по зубам, но иногда и прорывается всплесками рискованной критической повестки, как трава сквозь асфальт. Местом ее появления могут оказаться и традиционные «СМИ», и сайты, и социальные сети, и даже выступления на митингах (в которых Саша К. также принимал участие) — и здесь содержание высказывания оказывается важнее, чем его форма (носитель).

Традиционные «СМИ» на смысловой карте Магнитогорска никуда не исчезли, а скорее даже, приобретая характер симулякров, расплодилось, но постепенно они перестают играть роль узловых станций в том движении смыслов, которое ослабевает или усиливается в зависимости не столько от активности «СМИ», сколько от повестки в онтологическом ряду. При активизации повестки журналистика, а вместе с нею и сами журналисты перемещаются куда-то в другое пространство, вне «СМИ». Один и тот же персонаж днем может работать в пресс-службе и генерировать официоз, а по ночам под чужим или даже под собственным ником резать правду-матку в соцсетях.

Саша К., который в нашем опыте «меченый атом», периодически исполняется журнализмом, чтобы затем снова впасть в пиар. Что толкает его в одну сторону, даже и объяснять не надо, но что же это за «какая-то сила», которая заставила его вопреки собственным материальным интересам пропустить в эфир котлету? Ведь это был чужой сюжет, то есть это даже не тщеславие. Современный человек, Саша боится вслух назвать эту силу и выглядеть смешным, но мы произнесем ее имя: она называется «правда» или, если перевести в плоскость мотива, «честность». Это неприятие лжи, тем более сильное, чем выше ее ранг на структурном (официальном, государственном) уровне.

Сила правды (она же *феномен честности*), по природе идеалистическая, реальна как *мотив*, наблюдаема социоло-

гически и прогнозируема во многих социальных (массовых) проявлениях. Она имеет свойства вируса, то есть ею можно заразиться. Однако честность перемешивается и с мотивами иного, чаще всего практического, характера. Поэтому линия разделения на честных, нечестных и не очень честных проходит не как между «овнами и козлицами», а по живому: в чем-то и в какой-то момент человек честен, а в чем-то другом и в другой момент он лжет, и эта граница всегда динамическая, она может колебаться вплоть до поступка и даже после него (в плане самооценки).

В природе редко что встречается в чистом виде, в том числе и журнализм. Однако объяснять протестные действия Саши К. «рукой Челябинска» — грубое упрощение действительности и ее опасная мифологизация, как и пресловутые «печеньки Госдепа США». Хотя бы Саша даже и получал что-то от Челябинска (как и Госдеп мог поддерживать Майдан), общий вектор здесь определяется другими силами. Именно честность рождает в том числе движение журнализма, хотя, разумеется, не только его; например, тот же мотив движет наблюдателями на выборах. С точки зрения материализма журналистика — это в самом деле сотрясение воздуха просто так. Более того, как только перед журналистом появляется вопрос зачем, он сам как журналист оказывается под вопросом — его мотивация растворилась в какой-то иной целесообразности.

Анализ эссе на тему «В чем обвиняют журналистику?», которые год за годом собирает со своих студентов профессор Дзялошинский, показывает, что они четко видят разницу между журналистикой и пропагандой и вполне по-журналистски оплакивают свою неминуемую участь в пропаганде. Слова замминистра связи и массовых коммуникаций Алексея Волина о том, что «журналисты должны работать на дядю, который им платит», скорее становятся для них утешением — в духе того, что «во всем мире так, и везде говно», а появление на факультетах журналистики «отделений пиара» легализует это положение.

Разумеется, далеко не все эти заблудшие овцы потеряны для журналистики. Но для проявления их качеств честности

нужна среда, которая и в столицах сжимается (за счет перекрытия финансовых поступлений и умножения запретов и наказаний, см. главу 17), а в провинции в институализированном виде уже почти отсутствует. Проще ставить своими целями популярность и заработок — первая древнейшая в лице пропаганды распахивает для выпускников журфаков свои объятия (вместе с таблоидами).

«СМИ», как и любая корпорация (независимо от ее юридического статуса и размера), стремится ограничить свободу высказывания в ту или иную сторону, теми или иными границами. Но возможность нарушения этих границ, связанная с риском потери статуса и (или) заработка, — это и есть та линия, по которой журналистика в авторитарно устроенном и не понимающем ее собственной ценности обществе отрывается от «СМИ».

Социолог Алексей Левинсон, выступая на конференции «Журналистика и пропаганда в современных СМИ» в мае 2016 года, рассказал об опросах, которые «Левада-центр» проводил среди молодых журналистов. Отвечая на вопрос о профессионализме, респонденты называют им умение занимательно и четко изложить любую точку зрения — независимо от собственных убеждений. Они не считают это нечестным, поскольку «журналист», работающий на другую партию, делает то же самое. Получается, что журналистика — та же пропаганда, но справедливо, если она ведется с разных сторон.

Левинсон рассказывает также о попадавших к нему на фоне преобладающего профессионального цинизма примерах «героической журналистики». Он даже прослеживает ее институциональные условия: этот феномен случается чаще в городах, где существует три-четыре центра влияния, каждый из которых заводит свое недорогое «СМИ». И лишь в этих условиях бегающий между ними и вкусивший такой свободы журналист формируется как «героический тип», отстаивающий впоследствии свою свободу слова даже под угрозой физического насилия или уголовного наказания.

Эти исследования верно объясняют историю Саши К. из Магнитогорска. Большая часть его действий (рутинных и поэтому оставшихся за рамками рассказанной нами истории)

диктуется ролями, которые он на себя последовательно принимает. Но направленность этих действий резко меняется под влиянием поступков, а их уже можно объяснить скорее особенностями личности.

Мы узнаем эту личность, напоминающую хорошо знакомого советского «диссидента». Всякий мыслящий тем самым уже и инакомыслящий, и к этому типу, «выискивающему везде одни недостатки», принадлежат (в разной степени) не только многие журналисты, но и вообще люди, склонные критически воспринимать действительность. (По данным проведенного исследовательской группой ЦИРКОН опроса, опубликованным в январе 2017 года, уровень критичности среди журналистов в два раза выше, чем у остальной массы граждан.)

На самом деле этот тип или эта роль, по-видимому, настолько же древние, как и само человечество. Мишель Фуко (1926–1984, Франция) посвятил целый цикл своих лекций (последний был прочитан в Эколь Нормаль в 1984 году) парезии — свободной речи, как это называлось в Древней Греции. Мы еще обратимся к парезии более подробно в следующей главе, когда будем говорить о легитимности журналиста, а пока отметим, что Фуко описывает *парезию* как «говорение истины» — перед «народом» или «тираном», связанное с определенным и осознаваемым риском.

Когда вместе с печатным станком в обществе модерна появляются печатные медиа, они и становятся главным каналом для парезии. Дело цензуры — перекрывать эти каналы или перетягивать высказывающихся на свою сторону, а дело вновь и вновь появляющихся *парресиастов* — создавать новые возможности. Они раз за разом выбывают из игры или просто устают, процесс замедляется, но затем каждый раз вспыхивает с новой силой. Это, в общем, обычная история — так было и с Сократом, и с Иисусом, а теперь технические средства лишь сильно ускорили этот процесс.

Профессор Светлана Шайхитдинова (подтверждая нашу мысль о том, что медиа и журналистика существуют параллельно) говорит о разных типах «субъектности», которую представляют «системные СМИ» и «рациональные

журналисты». Она приводит историю ростовского журналиста и блогера Сергея Резника, которая и мне также хорошо известна. Когда пишутся эти строки, Резник все еще отбывает срок за совокупность «преступлений», центральное место в гирлянде которых занимает оскорбление судьи, названной в его блоге «крокодилицей». С точки зрения стандартов журналистики это, конечно, перехлест и моветон, однако Шайхитдинова объясняет их истерикой, вызванной неприятием роли журналиста со стороны общества и «системных СМИ». Потеряв структурные каналы для рационального высказывания, парресиаст бьется головой о стену и повышает голос только ради того, чтобы быть услышанными. Его «героизация» (в случае с Резником через уголовное преследование) не столько его болезнь, сколько симптом болезни общества, где «СМИ» перестают рассматриваться как выполняющие очистительную роль печени или почек. (К этому следует добавить фактор исчезновения в интернете редакции и «школы».)

Во второй половине 1940-х годов под впечатлением от германского нацизма эмигрировавшие специалисты франкфуртской школы во главе с Теодором Адорно (1903–1969, Германия — Швейцария) провели на базе Калифорнийского университета с гражданами США эмпирическое (психологическое) исследование «авторитарной личности», направленное на выявление определенного типа людей, с готовностью принимающих фашистскую идеологию (без которых невозможен и сам фашистский режим). Это исследование не ставило целью выявить и описать также и «антиавторитарную личность», но Адорно признает и ее существование, оговариваясь, что описать ее было бы значительно труднее, поскольку этот тип личности гораздо более разнообразен по остальным параметрам. То, что безусловно отличает этот тип от «авторитарной личности», — это *нонконформизм*.

Конечно, общество, состоящее из одних нонконформистов, обречено на гибель, и в этом глубинная ошибка анархизма как проекта (но не как направления мысли, внутренне тесно связанного с журналистикой). На самом деле на этот

счет беспокоиться не стоит: конформистов всегда превосходящее большинство. Но и общество, состоящее сплошь из конформистов, оказывается, тоже обречено, оно сползает в тупик архаики, не говоря уже о сопутствующем такому сползанию разложению нравственности.

Ханна Арендт (1906–1975, Восточная Пруссия — США), пораженная тем, как «массы» в довоенной и послевоенной Германии без усилия приняли сначала нацистскую, а после поражения — антинацистскую идеологию, делает вывод, что «массы» как бы просто переключают одну идеологическую систему на другую, словно это мода на платье: им важна система как таковая. Примеры незараженности этой «модой» Арендт видит во внесистемных, с виду лишенных корней и часто не вписывающихся в традиции людях, способных *выносить суждения*, для чего им приходится, не ища опоры в идеологии, оценивать ситуацию, в которой приходится совершать поступок, всякий раз заново и так, «как если бы в этот момент только они и были законодателями для самих себя» (Кант).

Именно это делает и журналист, только его поступок к тому же всегда публичен: его *протестное высказывание* по определению адресовано *публике*, хотя часто выглядит в ее глазах маргинальным. Журналист не обязательно жертвует собой (хотя и так бывает), но он имеет мужество быть свободным в высказываниях. Журналистика (мы возвращаемся тут к сказанному Левинсоном) всегда «героическая», это сам способ ее существования, а лучшие журналисты часто люди с довольно неудобным характером в быту.